

25 декабря 2000 года

Ведомости

Вадим Журавлев

Король и шут

Дмитрий Хворостовский в "Новой опере"

В муниципальном театре "Новая опера" прошли два премьерных спектакля "Риголетто" Верди, в которых принял участие баритон Дмитрий Хворостовский. Цены на билеты доходили до 5000 руб. , и многочисленные фанаты русской звезды на этот раз решили не штурмовать здание театра: спектакли прошли вовсе без аншлага.

Историю горбатого шута Верди написал по мотивам драмы Гюго "Король забавляется". Для Москвы "Риголетто" давно стала раритетной, поскольку ни один театр не может сейчас представить публике трех классных исполнителей: тенора, сопрано, а главное - драматического баритона для заглавной партии. Но худрука "Новой оперы" Евгения Колобова певцы никогда не интересовали, а тут еще Хворостовскому понадобился "играющий тренер" для разучивания новой партии. Остальное уже было неважно.

Новый спектакль "колобовцев" - совместная постановка с Савонлинским фестивалем в Финляндии. Правда, история этой копродукции таинственна. В программе будущего фестиваля вы не найдете имен Колобова и Хворостовского. Кроме одной солистки "Новой оперы", поющей во втором составе, никто не собирается отрабатывать в финском захолустье постановку финского режиссера Ральфа Лянгбаки и сценографию Леннарта Мерка. Савонлинна вряд ли подходящее место для Колобова, который не привык к шоу open air во дворе островной крепости - в такой обстановке и проходит фестиваль. Савонлинские спектакли обычно сводятся к паре выгородок на фоне старой крепостной стены и к красочным костюмам.

Новый спектакль ничем не отличается от провинциальных русских постановок, где намалеванные на холстах декорации и малоталантливые разводки служат фоном для парада вердиевских ансамблей. Безнадежно устаревший спектакль Лянгбаки привозила 10 лет назад на гастроли в Москву Шведская королевская опера. Теперь же я насчитал две находки режиссера: герцог раздевался до белых трусов boxer, а Монтероне вели из темницы на казнь через спальню вельможи.

Оживить это мертвое царство оперной рутины мог только дирижер. Вердиевская музыка стопроцентно колобовская: дирижер с легкостью передает внезапные эмоциональные перепады музыки, огненный романтический пыл. С таким вердиевским талантом Колобов заткнул бы за пояс многих великих итальянских дирижеров. Но только если бы композитор не писал еще партий для вокалистов.

А с ними у Колобова всегда проблемы. Из его театра певцы бегут, потому что у "Новой оперы" - только один король, который позволяет себе любые забавы (например, переписать заново "Травиату" или "Бориса Годунова"). И ежегодно обновляющаяся труппа вряд ли может показать публике ансамблевый класс. Если невнятно пропетыми оказываются два важнейших ансамбля - квартет и трио из третьего акта "Риголетто", спектакль вряд ли стоит выпускать в свет. Приличного тенора в театре не нашлось, и пришлось выписывать солиста аж из Самары - что же говорить про добрый десяток мелких персонажей оперы? Фальшь, интонационные погрешности и плохая дикция певцов сводят на нет все оркестровые достоинства Колобова.

На фоне незначительных солистов "Новой оперы" Хворостовский уж точно чувствует себя королем. Певец оказался сейчас в непростой ситуации, с которой баритоны обычно сталкиваются

позже. К 38 годам Хворостовский уже перепел весь коронный репертуар лирического баритона (Верди, Чайковский), а недавние его попытки попытаться счастья в "Дон Жуане" Моцарта окончились неудачей. Но партия шута требует невероятного драматического напряжения и физической выносливости, поэтому карьера многих баритонов заканчивалась в тот момент, когда они брались лепить образ горбатого и несчастного Риголетто. Хворостовский решил начать с Москвы: западные импресарио вряд ли узнают о неудаче. Понятно, что за такие деньги публика держит ладоши наготове. И Хворостовский оправдывает рвение зала: после посредственной арии он обрушивает на зал эффектную фермату. Даже когда шут-пария стоит на коленях перед придворными, Хворостовский стоит как король.

Но, когда партия требует настоящей мощи, певец оказывается бессилен и заглушить его может даже сопрано на последней ноте дуэта. В западных постановках Хворостовский обычно не играет, а просто царит на сцене. В Москве певец разошелся не на шутку. Машет седой шевелюрой, подволакивает ногу и отключивает одно плечо. Но ужимки отрицательного героя из советских фильмов про шпионов и расхитителей соцсобственности вряд ли подходят для двора герцога Мантуанского. А внезапные переходы от мстительной ярости к отцовской нежности так и остаются за скобками роли.